

Зимнее солнцестояние — время возрождения ян, путь государя крепнет.

Это означает, что инь достигла своего предела и начинает зарождаться ян, с этого момента начинается цикл смены сезонов.

В этот день с утра совершались жертвоприношения, а вечером устраивался торжественный пир. Для некоторых людей эта ночь была обречена стать бессонной.

В час быка (два часа ночи) Сяо Хэ уже был на ногах, помогая Приказу императорских жертвоприношений перевозить ритуальную утварь и предметы для церемоний.

Чего там только не было: шелковые отрезы, дрова для костров, бронзовые треножники и сосуды, а еще колокола и каменные пластины.

Евнух Чжань стоял у ворот, спрятав руки в широкие рукава. Его узкие глаза были слегка прищурены, а взгляд, подобно лезвию ножа, скользил по евнухам, занятым переноской вещей.

— Предупреждаю заранее, — голос его звучал вкрадчиво, — таскайте всё максимально осторожно! Если хоть что-то поцарапаете или уроните — шкуру с вас спущу!

Он сделал паузу и добавил:

— И еще! Держите свои лапы при себе, не касайтесь того, чего не положено. Если навлечете на себя беду или оскорбите господ, не вините меня, что не предупреждал. Тогда вам точно не поздоровится!

Ледяной северный ветер с воем проносился по ночному дворцу, поднимая с земли сухие листья и ударяя ими Сяо Хэ по лицу.

Он не обращал внимания на боль, вцепившись в ручки сосуда так сильно, что побелели костяшки пальцев, боясь случайно выронить или повредить дорогую вещь.

В прошлом году на зимнем жертвоприношении один маленький евнух случайно уронил предмет. Его три дня пытали, а потом он скончался от тяжелых ран.

Хоть Сяо Хэ и считал, что его жизнь не имеет смысла, умирать такой мучительной смертью ему совсем не хотелось.

С часа быка до начала часа кролика (пять часов утра) он без конца таскал вещи, и голова его пошла кругом от усталости. В конце концов, он нашел укромный уголок, чтобы хоть немного передохнуть.

— Господин Пэй, вы сегодня рановато во дворец пожаловали.

В час кролика чиновники начали один за другим прибывать во дворец.

— Ох, вчера на утреннем докладе император лично вызвал меня, так что хочешь не хочешь, а пришлось приехать пораньше, — Чжао Луинь волочила ноги, ее лицо выражало крайнюю степень сонливости.

— Полноте, это значит, что император к вам благоволит.

Слышались бесконечные приветствия и любезности. Сяо Хэ осторожно выглянул из укрытия и увидел того, вокруг кого собрались льстецы.

Фиолетовое одеяние с узором павлина, золотой пояс, шапочка чиновника.

Сяо Хэ смотрел на этого статного человека, и на душе у него становилось горько.

Говорили, что господин Пэй пробился наверх через государственные экзамены и в столь юном возрасте уже занимал высокий пост.

А он? Он гнил в глубине дворца, словно крыса, прячущаяся от дневного света.

Вдали Чжао Луинь, стоя в толпе, почувствовала на себе взгляд из угла и погрузилась в раздумья.

В тот день она специально пошла во дворец, чтобы попытать удачи, и случайно наткнулась на Сяо Хэ. Судя по тому, как он себя вел, амбиций у него было маловато.

Он мог бы стараться ради лучшей жизни и выполнять ее поручения, но если заставить его пойти на предательство, он, скорее всего, выберет свою шкуру, а не ее.

Она поделилась своими мыслями с Цзян Ханьчжу, опасаясь, что использовать этого человека рискованно.

Но Цзян Ханьчжу лишь загадочно ответила, что время еще не пришло, и нужен подходящий случай.

Случай... Какой же это может быть случай?

Иногда Чжао Луинь казалось, что Цзян Ханьчжу — какая-то странная прорицательница, вечно напускает туману, а попросишь объяснить подробнее — ничего вразумительного не добьешься.

Ладно, раз велела ждать, значит, будем ждать.

В начале седьмого часа жертвоприношение наконец началось.

А вместе с ним начались и мучения Чжао Луинь.

Церемония начиналась с призыва духов, затем следовали коленопреклонения, подношения шелков, тройное возлияние... В общем, раньше чем через полдня с этим не покончить.

Опираясь на опыт прошлых лет и советы коллег, в этом году она подготовилась идеально.

Помимо обычных ухищрений — три стельки в обуви, мягкие наколенники, два слоя нижнего белья — в рукавах она спрятала сладости.

А еще она принесла любовный роман, который спрятала за дощечкой для записей: как только проснется, сразу начнет читать.

Книгу она выбирала тщательно — про недопонимания между мужчиной и женщиной. Цзян Ханьчжу считала это пошлостью, а ей казалось — самое то.

Там были даже довольно откровенные стихи. Конечно, читать такое на людях было неудобно, но она подумала, что вряд ли кто-то из чиновников будет настолько скучать, чтобы заглядывать к ней.

Хм, если только этот кто-то не Сы Цзинчжоу.

Сы Цзинчжоу стоял двумя рядами позади Пэй Цзи и молча наблюдал за всеми его мелкими проделками.

Он не понимал, как можно так страдать из-за нескольких часов церемонии. Сам он никогда не считал это время долгим.

Он не знал, что не замечает времени лишь потому, что каждый год пристально следит за Пэй Цзи.

В первый год он смотрел, как тот спит и чуть не падает головой на пол.

Во второй — как ворует сладости, а упавшая капля меда приманивает пчел.

В этом году, уже третий год, Пэй Цзи стал еще бесстыднее — спрятал за дощечкой роман с пошлыми стишками.

Как можно быть таким человеком? И это называется примером для всех чиновников?

Чему у него учиться — как спать, как воровать сладости или как читать романы?

Сы Цзинчжоу даже не осознавал, что по сравнению с остальными он слишком придирчив к Пэй Цзи.

Если оглядеться, многие чиновники занимались своими делами — в конце концов, церемония длинная, а все они лишь люди. Со временем все пришли к негласному согласию: в дни жертвоприношений не замечать огрехов друг друга.

Сы Цзинчжоу не придирался к другим, но к Пэй Цзи — постоянно.

Наконец, в полдень жертвоприношение завершилось.

Сы Цзинчжоу в полузабытьи поднялся вместе с остальными, и в тот момент, когда он выпрямился, кто-то врезался ему в грудь.

Это был Пэй Цзи.

Сердце Сы Цзинчжоу дрогнуло, он машинально подхватил его за плечи.

— Ты что творишь?

У Чжао Луинь потемнело в глазах — слишком резко она поднялась после долгого стояния на коленях.

Сы Цзинчжоу хотел было оттолкнуть его, но, увидев бледное лицо, почему-то замер. Только сейчас он заметил, что стал выше Пэй Цзи на полголовы. Раньше они были почти одного роста.

— ...Что с тобой? Тебе плохо? — Сы Цзинчжоу слегка нахмурился, и в его голосе проскользнули нотки беспокойства.

Хорошо, что никто не обратил внимания, иначе завтра все бы судачили, что молодой господин Сы неравнодушен к господину Пэй.

— Ты... — Чжао Луинь сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. — От тебя так приятно пахнет.

Сы Цзинчжоу: ...

Он решительно оттолкнул Пэй Цзи и, помрачнев, зашагал прочь.

И зачем он только решил проявить заботу? Совсем с ума сошел.

— Ты обиделся? — Чжао Луинь догнала его и рассмеялась. — Но от тебя правда очень приятно пахнет. Какими благовониями ты пользуешься? Я тоже хочу такие.

— Я ничем не пользуюсь.

Раз отвечает, значит, не так уж сильно сердится.

Чжао Луинь осмелела еще больше:

— Это твой собственный запах? Тогда можно мне почаще тебя обнимать? Я тоже хочу пропитаться твоим...

Последние два слова она не успела произнести, потому что Сы Цзинчжоу зажал ей рот рукой.

Его уши покраснели, и он сердито прошептал:

— Что ты такое несешь?! Меньше читай свои пошлые книжонки, понял?!

Чжао Луинь тут же ухватила за главное:

— Значит, ты подглядывал за мной?

Теплое дыхание коснулось его ладони. Сы Цзинчжоу смотрел в ее глаза, выглядывающие из-под его руки, и дыхание его перехватило.

В голове стало пусто.

Он замер на мгновение, а затем неестественно быстро отдернул руку.

— ...Нет... — он отвел взгляд. — ...Я не подглядывал.

— Подглядывал!

— ...Нет...

В это же самое время Цин Цзе спал в помещении, отведенном ему на подпольной арене. Он был здесь уже два дня, но место это больше походило на тюрьму, чем на жилье.

В ту ночь, попрощавшись с Цзян Ханьчжу, он под покровом темноты отправился на ту самую арену, о которой она говорила.

Лю Цзюй построил ее для отбора элитных стражей. Конечно, опасаясь шпионов, он установил строгий контроль: всех тщательно допрашивали и проверяли.

Тех, кто выглядел слишком сытым, холеным или походил на профессионального телохранителя, не брали.

К счастью, Цин Цзе четыре года просидел в тайной комнате Цзян Ханьчжу: волосы не стрижены, кожа бледная, вид настоящего болезненного бедняка, нуждающегося в деньгах.

Его легко пропустили и выдали жетон с номером двадцать два.

У каждого новичка было два дня на адаптацию, и сегодня ему предстоял первый бой.

Встав, Цин Цзе умылся и сел в сторонке, наблюдая за теми, кто уже дрался на арене.

Арена была квадратной, вокруг располагались зрительские места, а по периметру площадки горели свечи, чтобы было видно каждое движение бойцов.

Сейчас на арене шли бои: приемы простые, но удары — в полную силу, видно, что бьются насмерть.

Оглушительные крики эхом отдавались под сводами, зрители были в экстазе.

Цин Цзе оценил обстановку, понял, что к чему, и закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

— Братец, ты с такой фигурой вообще выживешь?

Над ухом раздавалось бесконечное щебетание. Цин Цзе открыл глаза, в них читалось раздражение.

Человек продолжал:

— Эй, парень, уходи лучше отсюда. Зачем тебе это? Посмотри на себя, ты такой худой, я даже боюсь тебя ударить.

Цин Цзе отвернулся и снова закрыл глаза, не желая продолжать разговор.

Но тот не унимался:

— Ты болен? Тебе плохо?

Цин Цзе не хотел отвечать, но тут услышал, как выкрикнули его номер. Он поднялся и вышел на арену.

Тот парень поднялся следом и, глядя, как Цин Цзе выходит, крикнул ему в спину:

— Ну ты и упрямый! Тот, против кого ты выходишь — мой земляк. Может, мне сказать ему, чтобы он тебя не сильно...

Раздался тяжелый глухой звук.

Знакомый парень с грохотом свалился прямо перед ним и завыл:

— Ой-ой... Это что, земляк? Земляк, спасай, меня сейчас убьют...

— ...

<http://bllate.org/book/19166/1881877>